DOI: 10.31249/rsm/2025.04.09

Р.М. Сейткалиев

ЧЕЧЕНСКИЕ БЕЖЕНЦЫ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ: ВЫБОР СТРАНЫ ПРОЖИВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ

Аннотация. *В статье анализируется процесс концентрации чеченских беженцев в отдельных европейских странах, ставших самыми привлекательными для чеченцев с точки зрения доступности поездки, благоприятного режима одобрения заявок на политическое убежище, экономических выгод и перспектив. Через анализ интеграционных программ ФРГ и Польши показаны экономические предпосылки переезда и закрепления чеченцев в экономически развитых странах. Отдельно рассмотрен фактор процесса концентрации не только в странах, но и в их отдельных регионах – стремление проживать по соседству с представителями своей нации, в том числе с представителями своего тейпа, что рассматривается чеченцами как залог выживания в чужой стране. Соседство повышает экономические и социальные связи формирующейся чеченской диаспоры, хотя существование монолитного сообщества остается под вопросом. Показана роль общины в сохранении привычного патриархального уклада жизни и в противодействии размыванию ценностных ориентиров, что входит в разногласия с трендом на либерализацию чеченского общества, прежде всего молодежи.*

Ключевые слова: *чеченские беженцы; экономические мигранты; одобрение заявок; пособие для мигрантов; интеграционная политика; религиозность; чеченские ценности.*

Сейткалиев Роман Максутович – научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН). Россия, Москва.
E-mail: seytkaliev_roman@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAR-9372-2021
Scopus Author ID: 57196713166
ORCID ID: 0000-0003-0485-1497

Seytkaliev R.M.

Chechen refugees in European countries: choice of host state and integration challenges

Abstract. *The article analyzes the process of concentration of Chechen refugees in specific European countries that have become the most attractive to Chechens in terms of travel accessibility, favorable asylum approval regimes, economic benefits, and opportunities.*

Through an analysis of integration programs in Germany and Poland, the economic prerequisites for the relocation and settlement of Chechens in economically developed countries are demonstrated. Other factors in the concentration process are also examined, not only at the national level but also within specific regions of those countries, namely the desire to live in proximity to representatives of their own nation and, not least, to members of their own teip, which is perceived by Chechens as a guarantee of survival in a foreign country. This strengthens the economic and social ties of the emerging Chechen diaspora, although the existence of a monolithic community remains open to question. Finally, the role of the community in preserving traditional patriarchal ways of life and in resisting the erosion of value orientations is highlighted, which comes into conflict with the trend toward the liberalization of Chechen society, especially among its youth.

Keywords: *Chechen refugees; economic migrants; approval of applications; migrant benefits; integration policy; religiosity; Chechen values.*

Seytkaliev Roman Maksutovich – Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).
Russia, Moscow.
E-mail: seytkaliev_roman@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAR-9372-2021
Scopus Author ID: 57196713166
ORCID ID: 0000-0003-0485-1497

Введение

Миграция чеченских беженцев в Европу стала заметным явлением в новейшей истории России. На протяжении двух первых десятилетий XXI в. они составляли абсолютное большинство граждан Российской Федерации по числу просителей политического убежища в европейских странах [Молодикова 2015, с. 100]. Хотя, следует отметить, что до середины 1990-х годов, во время первой чеченской кампании, жители Чеченской Республики предпочитали переезжать в соседние субъекты или в страны СНГ к родственникам. Достоверные статистические данные о численности жителей Республики, покинувших свои дома в ходе первого чеченского конфликта 1994–1996 гг., неизвестны. Во время второго конфликта 1999–2000 гг. внутренними мигрантами стали почти 570 тыс. человек [Воробьева 2003, с. 12–13]. Военные действия стали главным push-фактором миграции, хотя чеченские беженцы первой волны ставили своей целью возвращение на родину после окончания боевых действий. Однако несколько причин не только подтолкнули к миграции остальных, но и удержали от возвращения уже бежавших. К ним прежде всего относится преследование членов семей бывших боевиков и их потенциальных сторонников, а также выдавливание в 2010-х годах из Чечни последователей течения в исламе – салафизма. К pull-факторам миграции принадлежит экономическое

положение в европейских странах, которое выгодно отличалось от ситуации на родине: низкий уровень безработицы, высокий уровень жизни, социальные гарантии, а также гарантии юридической защиты.

В Европе чеченцы, несмотря на подачу документов на политическое убежище в разных странах, со временем сосредоточились в Австрии, Бельгии, Норвегии, Польше, Франции и ФРГ, что определилось экономическими выгодами и доступностью переезда. Данные о том, какое количество чеченцев вообще мигрировало в европейские страны разнятся. Исследователь миграции О.Р. Гулина, как и неправительственная организация из Франции «Ассамблея чеченцев Европы» (включена 3 октября 2025 г. Министерством юстиции Российской Федерации в перечень организаций, чья деятельность признана нежелательной на территории страны), сообщают о 150 тыс. чеченцев в Европейском союзе (ЕС) [Гулина 2018]. Ассамблея чеченцев Европы в своих цифрах скорее ориентируется на официально зарегистрированных беженцев, не учитывая нелегальных [Первый учредительный съезд Ассамблеи Чеченцев Европы 2019]. И.Н. Молодикова общее количество кавказцев (в основном чеченцев) в странах ЕС оценивала в диапазоне от 130 (на 2013 г.) до 220 (на 1996–2006 гг.) тыс. человек [Молодикова 2015, с. 104], а в 2019 г. писала о 100–170 тыс. человек в основном тексте статьи, но указала «около» 180 тыс. человек в аннотации [Molodikova 2019, p. 120, 119].

Вероятно, общее количество чеченцев в ЕС, включая детей, находится в пределах 200 тыс. человек: эту оценку в 2020 г. представили корреспонденты газеты «Dosh», выпускаемой усилиями северокавказских беженцев в Европе, и эта информация может быть более объективной в силу того, что ее представляют сами беженцы [Чеченцы в Норвегии 2020]. Миграционные службы, официальные ведомства, эксперты и средства массовой информации сообщают следующие цифры о чеченских мигрантах в европейских странах. Количество чеченцев во Франции насчитывает около 65–70 тыс. человек (включая незарегистрированных мигрантов и тех, кто официально зарегистрирован в другой стране ЕС) [Что известно о чеченской диаспоре во Франции 2020]. В ФРГ их около 40 тыс. человек [Schliephack 2022, S. 12]. В Австрии исследователи также говорят о примерно 40 тыс. проживающих чеченцев [Menschen tschetschenischer Herkunft in Österreich 2022, S. 3, 11, 24, 37, 43]. В Бельгии их 18 тыс. человек [Country: Belgium], в Норвегии – 15 тыс. человек [Чеченцы в Норвегии 2020; Sugaipova, Wilhelmson 2021, p. 140], в Польше – 10 тыс. человек, а также 1–3 тыс. человек в других странах ЕС [Чеченцы в Норвегии 2020]. Таким образом, на шесть стран приходится свыше 90% всех чеченских беженцев в Европе, или около 190 тыс. человек.

Цель данного исследования состоит в обосновании экономических предпосылок выбора беженцами той или иной страны для проживания, анализе их экономического положения и процесса интеграции.

Польское направление миграции чеченцев

Для большей части чеченских беженцев путь в Европу начинался с Польши. В пользу польского маршрута говорили цена поездки, лояльное отношение поляков в 2000-х годах, большая территория страны, откуда можно было продолжить путь в другие страны, а также длинная и уязвимая белорусско-польская граница, помощь в переходе которой предлагали контрабандисты, польские и чеченские таксисты. Вследствие большого количества чеченцев и высокого процента их среди мигрантов из России польское ведомство, единственное из статистических европейских служб, добавило этническую строку «чеченцы» в страновую графу. По их подсчетам в 2000–2020 гг. в страну прибыло 100 тыс. чеченцев. Они составили 90% заявителей о предоставлении статуса беженца, 38%, 90% и 93% лиц, которым были предоставлены статусы беженца, толерантное пребывание и дополнительной защиты соответственно [Iglicka 2017, p. 123, 128].

Поток миграции в Польшу в меньшей степени подчинялся периодам увеличения или снижения шансов получить политическое убежище в стране и больше зависел от этого уровня в других странах Европы, куда после процедуры рассмотрения статуса в Польше, переезжали беженцы (см. табл. 1).

Таблица 1

Количество беженцев из Российской Федерации в Польше в 1997–2010 гг.

Год	Тип защиты					Всего
	Международная защита	Дополнительная защита	Толерантное пребывание	Отрицательное решение	Рассмотрение	
1997	5	0	0	52	31	88
1998	1	0	0	40	17	58
1999	3	0	0	27	13	43
2000	26	0	0	66	222	314
2001	206	0	0	216	806	1228
2002	206	0	0	1894	386	2486
2003	182	20	0	1675	4297	6174
2004	197	757	0	933	2678	4565
2005	285	1803	0	1862	4158	8108
2006	**384**	2015	0	634	3593	6626
2007	105	**2870**	0	1194	964	5133
2008	129	1486	1060	1120	5309	9104
2009	103	65	**2334**	2144	**5928**	**10 574**
2010	43	110	203	**2541**	4740	7637

Источник: [Urząd do Spraw Cudzoziemców].

В начале 2000-х годов фиксировался большой наплыв просителей убежища, но затем, как и во всех странах ЕС, в 2010 г. произошло снижение их числа. За год доля получивших убежище снизилась с 43% от всех карт пребывания (вид на жительство на 90 дней) граждан Российской Федерации до в 32% в 2011 г. [Polityka migracyina… 2012, s. 7]. Короткий период наплыва в 2013 г. стал эпизодическим и вскоре стабилизировался на более низком уровне. Исследователи выделили три фактора случившегося: выдавливание последователей идей ИГИЛ (Исламское государство Ирака и Леванта – международная исламистская террористическая организация, деятельность которой 29 декабря 2014 г. запрещена Верховным судом Российской Федерации на территории страны) с Северного Кавказа; избавление от протестно настроенных граждан перед Зимними Олимпийскими играми в Сочи; экономические меры правительства ФРГ и связанные с этим слухи. Последний фактор вызвал самое серьезное движение мигрантов, поэтому некоторые исследователи даже заговорили о новой волне российских беженцев [Gulina 2020, p. 4]. В данном случае речь идет о решении правительства ФРГ установить размер денежного содержания заявителей на уровне HarzIV (пособие по безработице). Эта мера привлекла в страну, не самую популярную из-за тщательно проводимых проверок соответствия статусу беженца, рекордное количество последних из России в 15 тыс. человек. Этому способствовало муссирование недостоверных слухов в Чеченской Республике о выделяемой ФРГ фиксированной сумме денег (подъемные) и земли под постройку дома.

Данный период массового притока беженцев продлился пять лет, включавший европейский миграционный кризис 2015–2016 гг., затем последовало снижение, вызванное ужесточением миграционной политики в Польше (см. табл. 2). Впервые за долгие годы европейские страны стали массово соблюдать Дублинский регламент[1] и высылать беженцев обратно в Польшу, что усилило националистические силы в этой стране. В 2015 г. к власти в Польше пришла националистическая партия «Право и справедливость», чьи решения впоследствии поставили труднопреодолимый барьер для беженцев с востока. Основой этих решений стало препятствование беженцам на всех этапах их пути, включая работу касс на железнодорожных вокзалах (обязательная покупка обратных билетов), изолирование людей без виз в отдельных вагонах, долгое рассмотрение заявок, немотивированный пропуск одной-двух семей в день. Отдельные случаи показывали, что беженцы вынуждены были ездить в течение полугода, прежде чем их пропускали через границу. Многие отчаивались и уезжали обратно в Россию или решали остаться в Республике Беларусь, но таких меньшинство [Все будут рады… 2019] (см. табл. 2).

1. Часть права ЕС, которая определяет ответственность за рассмотрение ходатайства просителей убежища в государстве – члене ЕС, где проситель впервые пересек границу ЕС.

Таблица 2

Количество беженцев из Российской Федерации в Польше в 2011–2022 гг.

Год	Тип защиты					Всего
	Международная защита	Дополнительная защита	Толерантное пребывание	Отрицательное решение	Рассмотрение	
2011	82	**180**	112	52	31	405
2012	67	119	242	1798	4796	7022
2013	63	111	**301**	1098	4966	6539
2014	**114**	121	202	**1580**	**13 994**	**16 011**
2015	21	116	101	1002	3822	5062
2016	10	57	35	670	6566	7338
2017	14	72	10	1080	7702	8878
2018	9	61	1	1260	1582	2913
2019	8	68	4	1212	1543	2835
2020	15	51	8	961	712	1747
2021	90	0	0	645	0	735
2022	100	0	0	600	0	700

Источник: [Urząd do Spraw Cudzoziemców].

Польские власти категоричны в своих заявлениях. Они считают, что под видом беженцев скрываются экономические мигранты. Отчасти данное утверждение справедливо, поскольку только 30% беженцев, подавших заявление на предоставление убежища, в назначенный срок появляются в миграционном центре. Остальные едут в другие страны [Polityka migracyina…, s. 26]. К такому же выводу пришла польский экономист и социолог К. Иглицка, проанализировавшая данные образовательных учреждений страны, в которых после первого года пребывания беженцев было зафиксировано лишь 30% чеченских школьников, подавших документы о зачислении (см. подробнее: [Iglicka 2017]).

Сравнение интеграционных политик Польши и ФРГ

Понимание, почему подавляющее большинство чеченских беженцев используют Польшу как транзитную страну, приходит после рассмотрения ее интеграционной политики и характера отношений власти и местных жителей к инокультурным лицам.

Интеграционная программа Польши зависит от трех видов политической защиты: гуманитарной, дополнительной и толерантной (см. табл. 3). Если первые две категории беженцев могут рассчитывать на финансовую, юридическую помощь или помощь с размещением, то людям, получившим толерантный статус,

приходится работать буквально с первого дня своего пребывания, что невозможно, учитывая незнание польского языка. Помощь, предусмотренная по гуманитарной и дополнительной защитах, часто на практике сводится к выплате небольшого пособия в течение года, а сама политика интеграции страдает от нечеткой координации ответственных лиц [Laskus 2016, s. 69]. С недостаточностью помощи, которую правительство выделяет беженцам, согласны польские исследователи: они уверены, что беженцы скрывают источники получения денег, так как гуманитарные программы не покрывают их основные расходы [Sipos 2020, p. 4].

Центры размещения беженцев сосредоточены преимущественно в сельских районах. Многие предпочитают оставаться там или поблизости уже после положительного рассмотрения дел из-за низкой арендной платы. Это повышает сплоченность и самоорганизованность чеченцев и создает приемлемые экономические условия в рамках этнической общины. Подобный характер существования чреват изолированием от местного общества, что негативно сказывается на интеграции. Но также следует признать, что дистанцирование от местного населения усиливается этническим отторжением и эксплуатацией со стороны поляков. Чешский социолог М. Сипос сравнивает жизнь чеченцев в районе миграционных центров с гетто венгерских цыган, подчеркивая желание беженцев защитить внутреннюю автономию от внешнего мира [ibid, p. 9].

Интеграционная политика в богатых европейских странах выглядит привлекательнее. Австрия, Бельгия, Норвегия, Франция и ФРГ предоставляют беженцам помощь, которая на порядок выше и качественнее, чем в Польше. Например, интеграционная политика ФРГ представляет собой положения, закрепленные в Конституции (Основной закон, п. 1, ст. 1 и п. 1, ст. 20), по которой власть обязана обеспечить каждому гражданину, а также иностранцу, достойный прожиточный минимум [Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland]. Те иностранцы, которые по мнению властей находятся в стране временно, получают прожиточные пособия в соответствии с Законом о пособиях просителям убежища 1993 г. [Asylbewerberleistungsgesetz].

Таблица 3

Сравнение интеграционных политик Германии и Польши (2015–2025 гг.)

Параметры	Страны	
	ФРГ	**Польша**
Соискатели убежища в центрах размещения.	Смешанная форма помощи: натуральная форма и выдача денежных средств; оплата проезда, бесплатная юридическая и медицинская помощь.	Выделение фиксированных сумм по категориям: одежда, средства гигиены, питание и т. п. (оплата необходимых услуг производится из этих средств).
Размер пособия для беженцев, получивших убежище.	Равен сумме прожиточного минимума.	Ограничен одним годом, менее прожиточного минимума.

Продолжение таблицы

Дополнительные средства.	Возмещение части расходов на аренду жилья и отопление.	Не предусмотрены, поскольку, по мнению местных властей, выделяемые средства соискателям в центрах размещения и лицам, уже признанных беженцами, достаточны.
Характер интеграции.	Мультикультурализм (равенство пришлого населения с коренным при сохранении первым родной культуры).	Адаптация с элементами ассимиляции (подстраивание пришлых под новые условия жизни в стране прибытия).
	Социальное гражданство (инкорпорация в сферу занятости и систему социального обеспечения, при ограничении возможности политического участия в делах общества и получения нового гражданства).	
Отношение коренных к инокультурным.	Лояльное.	Дискриминационное.

Источник: [Classen 2011, Sipos 2020].

Немецкая интеграционная политика представляет собой четкое распределение полномочий на федеральном и земельном уровнях (см. табл. 3). Земли определяют количество принимаемых мигрантов, а городские власти оказывают помощь с арендой, выплатами и трудоустройством [Морозова, Золотарев 2015, с. 89]. В первую очередь, это касается признанных беженцев и тех, кто имеет дополнительную защиту. Толерантный статус не позволяет приступить к работе, поэтому беженцы с данным статусом живут в миграционных центрах.

Стоит отметить, что интеграционное законодательство пусть и в некоторых случаях с запозданием (как например признание страны иммиграционной), но реагирует на вызовы времени. Так, размер социальных пособий просителям убежища был в 2010 г. увеличен по решению Верховного суда, который признал положения Закона о льготах просителям убежища неконституционными, потому что в нем отсутствовала адекватная система оценки потребностей, и денежные суммы основывались на свободно оцененных цифрах [Classen 2011, S. 8]. В 2015 г. социальные пособия сравнялись с пособием для безработных HarzIV.

Коренное немецкое население в целом хорошо относится к беженцам; сказывается богатый миграционный опыт страны, и то, что свыше четверти населения имеет «миграционное прошлое»: они сами (или один из родителей) родились не в Германии. Негативное отношение к приезжим несколько увеличилось после миграционного кризиса, когда в страну хлынула критическая масса иностранцев, однако большинство чеченцев приехали до 2015 г., что предопределило благоприятное отношение к ним.

Экономическое положение чеченцев в европейских странах

Подавляющая часть чеченцев, переехавших в европейские страны до 2010 г. получили вид на жительство и разрешение на работу, поэтому их экономическое положение более устойчиво, чем у тех, кто приехал после 2010 г. Большинство из них были светскими людьми, женщины чаще вступали на рынок труда или могли подрабатывать; так, в 2000-х годах женщины чаще брали на себя роль основного добытчика и выступали медиатором между семьей и принимающим обществом [Szczepanikova 2012, p. 476]. Совокупный доход семьи позволяет им жить, помогать родственникам в Чечне, откладывать средства и строить дом на родине. Свидетельства об отправлении денег на строительство домов в Чеченской Республике можно найти в различных интервью, а также в научных работах чеченских исследователей (например: [Хасуев 2015, с. 83]). Беженцы, прибывшие после 2011 г., и особенно во время европейского миграционного кризиса в ФРГ, испытывали большие проблемы с получением разрешения на работу. Большинству оформляли только временное пребывание, а срок рассмотрения заявок и апелляции (распространенный случай, так как ФРГ отказывает 95% просителей) длился от нескольких месяцев до нескольких лет. В то же время выделяемая им поддержка на время рассмотрения их дела довольно скудна, поэтому многие вынуждены подрабатывать нелегально. Проблема с трудоустройством сохраняется и сегодня. Например, в Австрии в 2021 г. было трудоустроено 35,3% прибывших в 2015 г. в страну чеченцев, тогда как работу нашли 68,8% и 65,7% беженцев из Сирии и Афганистана, получившие доступ к интеграционным курсам [Tschetschenische Bevölkerung in Österreich, S. 11].

В ситуации, когда официальная помощь оказывается ограниченному кругу лиц, а остальные вынуждены ждать долгое время, прежде чем им будет дано право выйти на рынок труда, залог финансовой состоятельности чеченцев зависит от взаимопомощи внутри диаспоры. Поэтому чеченцы переезжают в другие страны и районы, где им окажут помощь их родственники и другие чеченцы. Большое количество чеченцев по прошествии нескольких лет поменяли место проживания. Например, в Финляндии, которая до 2010 г. положительно рассматривала около 40% прошений чеченцев, в 2017 г. зарегистрировала только 636 носителей чеченского языка в качестве родного. В Дании также, несмотря на высокий уровень принятия беженцев из Чеченской Республики до 2010 г., из-за особенностей интеграции вопросы расселения делегировались муниципалитетам по всей стране на основе квот, что обеспечивало их равномерное распределение [Коробущенко 2021, с. 116]. В данном случае отсутствие возможности жить поблизости могло составить трудность для чеченцев. Немаловажную роль в процессе выбора страны проживания играет климат. Из северных стран Европы только в Норвегии с ее высоким уровнем жизни сегод-

ня насчитывается большая диаспора чеченцев, притом что уровень признания политического убежища в ней был аналогичен уровню признания в соседней Швеции.

Исследование на примере представителей больших диаспор выявило, что прибывающие в районы с более крупными этническими сетями мигранты, с большей вероятностью будут трудоустроены вскоре после прибытия по сравнению с теми, кто впервые обосновался в районах с небольшими этническими сетями. Однако они также с меньшей вероятностью инвестируют в человеческий капитал в виде школьного и высшего образования и, следовательно, с меньшей вероятностью будут трудоустроены через несколько лет после прибытия [Battisti, Peri, Romiti 2018, p. 2]. Другое исследование, проведенное уже непосредственно на примере чеченцев, обнаружило, что говорить об общей чеченской диаспоре в ФРГ, не совсем правильно. Вернее будет говорить о чеченских сообществах, выбирающих компактное проживание на основе принадлежности к одному тейпу, притом что тейпы не всегда могут поддерживать связь между собой [Schliephack 2022, S. 30]. Это соответствует мнению И.Н. Молодиковой, что чеченцы в европейских странах сегодня более разобщены, что не в последнюю очередь связано с внутренними разногласиями, которые перекочевали вместе с ними в Европу [Molodikova 2019, p. 120]. Несмотря на это, взаимовыручка, помощь в поиске работы, а также обеспечение привычными товарами входят в число наиболее важных вопросов, которые успешно решаются на уровне горизонтальных связей.

Вместе с тем общинный характер жизни и клановая структура могут быть препятствием для интеграции, поскольку в европейских странах не распространена культура помощи «своим». Это может усугубляться высокой степенью ожидания помощи от государства (патернализм), особенно распространенной среди мигрантов из стран бывшего СССР, и гендерными предпочтениями трудоустройства: беженцы из стран Африки, Азии и Ближнего Востока, не склонные требовать от государства заботы о себе, интегрируются быстрее, чем беженцы из России (см. подробнее: [Wysieńska 2013].

Особенности интеграции чеченцев в условиях либерального общества

Из истории интеграции чеченцев в принимающее общество известно, что они стараются сохранить идентичность, язык и культуру. Примеры чеченцев, переселенных из Российской империи в Иорданию, Сирию и Османскую империю, свидетельствуют об успешном сохранении ими традиций.

Важное отличие нынешнего процесса от чеченской миграции имперских времен в том, что чеченцы эмигрировали в страны, где господствует христианство и/или светское общество. Поэтому чеченцы большое внимание уделяют противодействию внешним, негативным с их точки зрения, процессам

«европеизации». В Чечне в формирующихся диаспорах видят или уникальный инструмент интеграции чеченцев во внешний мир, или угрозу национальной идентичности [Эльбуздукаева 2019, с. 489]. Эти же вопросы в большей степени волнуют и чеченских исследователей, где упор делается на сохранении ценностных ориентиров чеченцев в европейских странах (например: [Лечиева, Саидов 2017; Абдулвахабова 2019; Курбанова 2020]). Организованный Совет старейшин чеченцев в Европе, как и аналогичный в Чеченской Республике, старается урегулировать проблемы в самой общине (в частности отношения внутри семей), по возможности избегая вмешательства правоохранительных органов и выступая представителем общества в диалоге с государственными органами. В большей степени чеченская диаспора основывается на общем чувстве эмоциональной привязанности к родине, движимое коллективными обидами и совместным опытом насильственного отделения, но не «добровольными экономическими или другими личными причинами» [Sugaipova, Wilhelmsen 2021, p. 143]. Во многом это объясняется ненадобностью из-за экономических возможностей в странах прибытия для желающих работать. Примеры организованных чеченских обществ в Австрии, Бельгии, Норвегии, Франции и ФРГ, подтверждают это правило. Они целиком сосредоточились на поддержании культурных традиций и изучении языка.

Молодые люди и те, кто уже родился в европейских странах, демонстрируют высокий уровень интеграции. Большинство детей учатся или обучались в обычных школах. Есть работы, где рассмотрены проблемы молодых людей в системе школьного образования, с упором на агрессивное отстаивание своих интересов (например: [Молодикова 2015, с. 112]). Однако данная проблема относится к аспекту разности культур, преимущественно в гомогенной Польше. Отечественные исследователи сосредоточились на проблемах самоидентификации чеченской молодежи. Выясняется, что, повзрослев, чеченцы оказываются под влиянием негармонично сложенных поведенческих и мировоззренческих установок. Также в плоскости ценностных установок и конфликта отцов и детей исследуется второе поколение. По прошествии 20 лет с момента миграции стало очевидно, что ценностные установки родителей и детей мигрантов не совпадают. Молодежь живет в сложных условиях мозаичной социокультурной среды, где, с одной стороны, на них оказывает влияние ценностная модель родителей, во многом сложившаяся в условиях советской системы и традиционной этнической культуры, и с другой – западная модель гражданского общества с ее культом личностной свободы и автономии субъектности. Кроме того, на них влияют этническая и религиозная общины, выполняющие социальную функцию акторов коллективной ответственности индивида [Курбанова 2020, с. 118]. Второе поколение эмигрантов, как показывают исследования, еще нельзя считать свободным от влияния этнической культуры страны выезда. И в то же время второе поколение ориентировано на будущее. Они не привя-

заны к конкретной территории, не чувствуют сакрального смысла в своей «родной земле» и «отечестве» [Kurbanova, Nalgieva, Ismailova, Umarova 2022, p. 235]. По аналогии с детьми турецких мигрантов в Германии можно сказать, что уровень экономических притязаний у детей будет выше, чем у родителей, но и возможностей для их реализации будет больше. Чеченцы, выросшие в Европе, «новые чеченцы» (как они сами себя определяют) в меньшей степени отмечают неприятие мигрантов (мусульман), и сомневаются по поводу своих финансовых перспектив, и успешной карьеры, которой противостоит множество скрытых сил. Большинство уверены, что страна дает большие возможности, которые при должном усердии доступны им так же, как и коренному жителю [ibid, p. 233].

В целом чеченцы, особенно второе поколение, достаточно органично принимают либеральные ценности и дистанцируются от некоторых стигматизирующих чеченских норм. Сегодня это становится общим для многих чеченцев, что объясняется защитой их прав в европейских странах, где нивелируется необходимость соблюдения религиозных и культурных норм, служивших защитой им ранее при слабой централизованной власти. Следует отметить, что дети светских родителей, получивших советское образование, более религиозны, что связано с распространением мусульманских общин в Европе, доступностью религиозного образования, и главное с необходимостью обозначения принадлежности к группе, понимаемой как источник поддержки в агрессивной среде [ibid.]. Нередко родители сами настроены, чтобы дети дистанцировались от соблазнов «европеизации», девушки носили хиджаб и быстрее выходили замуж. Следовательно, раннее замужество и жизнь в соответствии с религиозными канонами для многих девушек оборачивается уходом с рынка труда.

Заключение

Предложенная автором сравнительная оценка экономических выгод более и менее развитых стран показывает оправданный выбор в пользу интеграционной вариативности и расширения возможностей при переезде. В самом общем виде можно утверждать, что финансовая составляющая ведет к формированию очагов концентрации чеченцев, несмотря на существующие барьеры в виде миграционных законодательств разных стран и общих правил Дублинского регламента. Также переезд чеченцев и концентрация их в отдельных странах и районах стран обуславливается преимуществом взаимопомощи. Между тем можно сделать предварительный вывод, что те беженцы, кому было отказано в виде защиты, будут всеми силами пытаться остаться, что с учетом культуры взаимопомощи между чеченцами приводит к нелегальному закреплению в новых странах. Исторический опыт чеченских беженцев, если они переезжают массово, демонстрирует следующую модель включения социума в другую социальную систему: копирование институтов социума на родине на приме-

ре Совета чеченских старейшин при автономистском замещении отдельных институтов принимающей страны, что необходимо чеченцам для обладания определенной степени обособленности, противостоящей размыванию нации.

В практическом плане сегодня в содержании и задачах различных организаций чеченцев за рубежом не прослеживается экономической составляющей, что, однако, характерно для многих групп мигрантов, решающих общие экономические вопросы за счет индивидуальных действий своих членов (прием «своих» на работу, производство знакомых товаров). Оценка влияния индивидуальных характеристик мигранта и этнической группы в качестве самостоятельной единицы говорит о ключевой роли группы как коллективного надзорного органа.

Динамика экономического развития показывает улучшение положения чеченцев и увеличение количества тех, кто связывает свое будущее со странами прибытия, а не с далекой родиной. Изменение соотношения этого показателя между двумя возрастными группами показывает увеличение в пользу тех, кто планирует остаться, что объясняется не только перспективами экономическими, но и развития человеческого потенциала, которое получает дополнительную поддержку при нарастающем принятии чеченцами механизмов и инструментов институциональной системы государства пребывания. Последнее не оказывает прямого влияния на религиозность, скорее опосредованное, учитывая степень религиозной свободы в европейских странах. Религиозность в первую очередь влияет на уровень социальных контактов с населением, особенно у женщин.

Эта зависимость в целом, носит очевидный характер даже на бытовом уровне (чеченские юноши в Европе стремятся взять в жены «правильную» девушку из Чеченской Республики, а родители желают рано выдать замуж дочерей за европейских чеченцев), но, тем не менее, перспективы молодого поколения чеченцев выглядят привлекательнее, так как они в большей степени связывают свою жизнь с новой страной и меньше подвержены традиционному укладу.

Библиография

Абдулвахабова Б.Б.-А. Социальное приспособление чеченок к инокультурной среде в странах Западной Европы // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего. Материалы международной конференции. М.: Институт этнографии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Калининград: Издательство Балтийского федерального университета имени И. Канта, 2019. С. 485–489.

Воробьева О.Д. Вынужденная миграция в России // Современные проблемы миграции в России: материалы общероссийской научной конференции. М.: [б. и.], 2003. С. 7–13.

Все будут рады, если они уедут. Один день из жизни чеченских беженцев // RFI. 25.11.2019. URL: https://www.rfi.fr/ru/россия/20191123-все-будут-рады-если-они-уедут-один-день-из-жизни-чеченских-беженцев (дата обращения: 05.04.2025).

Гулина О. Чеченцы из России: (Не)видимые беженцы в Европе: специфика гуманитарной миграции чеченцев из России в Европу // Riddle. 18.04.2018. URL: https://ridl.io/chechency-iz-rossii-nevidimye-bezhency-v/ (дата обращения: 19.02.2025).

Коробущенко В.Ю. Особенности политики Дании по интеграции мигрантов // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. № 10 (62). С. 114–119.

Курбанова Л.У. Проблемы адаптации второго поколения чеченской диаспоры в Европе // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых. Материалы международной конференции. Грозный: Издательство Чеченского государственного университета, 2020. С. 315–319.

Лечиева М.И., Саидов А.А. Ценности и ценностные ориентации чеченцев // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6, № 4 (21). С. 329–332.

Молодикова И.Н. Мигранты с Северного Кавказа в ЕС: проблемы интеграции и гендерных ролей // Науки о земле. 2015. № 2. С. 99–119.

Морозова В.Н., Золотарев Д.П. Германский опыт интеграции мигрантов в принимающее общество // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. Вып. № 2 (6). С. 87–92.

Первый учредительный съезд Ассамблеи Чеченцев Европы – от Tumi Dishni – Нона Хонгашвили // Chechenassembly. 02.03.2021. URL: https://chechenassembly.com/2021/03/02/%d0%bf%d0%b5%d1%80%d0%b2%d1%8b%d0%b9-%d1%83%d1%87%d1%80%d0%b5%d0%b4%d0%b8%d1%82%d0%b5%d0%bb%d1%8c%d0%bd%d1%8b%d0%b9-%d1%81%d1%8a%d0%b5%d0%b7%d0%b4-%d0%b0%d1%81%d1%81%d0%b0%d0%bc%d0%b1%d0%bb%d0%b5/ (дата обращения: 01.02.2026).

Хасуев А.Э. Миграция чеченской молодежи в страны Европы. Причины и последствия // Вестник Чеченского университета имени А.А. Кадырова. 2015. № 2 (18). С. 81–83.

Чеченцы в Норвегии: между интеграцией и ассимиляцией // Журнал Дош – Новости Кавказа. 13.03.2020. URL: https://web.archive.org/web/20200927160222/https://doshdu.com/chechency-v-norvegii-mezhdu-integraciej-i-assimiljaciej/ (дата обращения: 02.02.2026).

Что известно о чеченской диаспоре во Франции // Slon.fr. 20.06.2020. URL: https://slon.fr/chto-izvestno-o-chechenskoj-diaspore-vo-frantsii/ (дата обращения: 25.04.2025).

Эльбуздукаева Т.У. Эмигрантская повседневность чеченок в странах Западной Европы: история и современность // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего. Материалы международной конференции. М.: Институт этнографии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Калининград: Издательство Балтийского федерального университета имени И. Канта, 2019. С. 489–492.

Asylbewerberleistungsgesetz // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/asylblg/ (дата обращения: 01.02.2026).

Battisti M., Peri G., Romiti A. Dynamic Effects of Co-Ethnic Networks on Immigrants' Economic Success. Munich: Munich Society for the Promotion of Economic Research – CESifo GmbH, 2018. 40 p.

Country: Belgium // Joshua project. URL: https://joshuaproject.net/countries/BE (дата обращения: 27.02.2026).

Classen G. Das Asylbewerberleistungsgesetz und das Grundrecht auf ein menschenwürdiges Existenzminimum, Stellungnahme zur Anhörung am 07.02.2011 im Ausschuss für Arbeit und Soziales des Deutschen Bundestages. Frankfurt am Main; Berlin: Förderverein PRO ASYL e. V.; Flüchtlingsrat Berlin e. V., 2011. 60 S.

Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland // Deutscher Bundestag. URL: https://www.bundestag.de/parlament/aufgaben/rechtsgrundlagen/grundgesetz (дата обращения: 01.02.2026).

Gulina O. Russian nationals looking for refuge in the European Union. Vienn: Prague Process Secretariat International Centre for Migration Policy Development, 2020. 14 p.

Menschen tschetschenischer Herkunft in Österreich / M. Hofmann, S. Langanger, M. Heß, A. Rochowanski, A. Holzer, M. Kurbanova, A. Tulej. Wien: Österreichischer Integrations fonds, 2022.

47 S. URL: https://www.integrationsfonds.at/fileadmin/user_upload/OeIF_Persp-1-22_Tschetschenen-WEB.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

Iglicka K. Chechen's Lesson. Challenges of Integrating Refugee Children in a Transit Country: A Polish Case Study // Central and Eastern European Migration Review Received. 2017. Vol. 6, N 2. P. 123–140. DOI: 10.17467/ceemr.2017.08.

Kurbanova L., Nalgieva H., Ismailova L., Umarova Z. Adaptation Strategies Through a New Identity: A Comparative Analysis of Two Generations of Chechen Migrants in Belgium // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2022. Vol. 646. P. 229–237. DOI: 10.2991/assehr.k.220208.041.

Laskus K. Pomoc społeczna dla uchodźców // Kontrola Państwowa. 2016. Vol. 61, N 2 (367). S. 61–74.

Molodikova I. Muslim Refugees from Russia: Do the Chechens Bring Their Own 'aul' from Chechnya to the EU? Muslim Minorities and the Refugee Crisis in Europe // Muslim Minorities and the Refugee Crisis in Europe / ed. by K. Górak-Sosnowska, M. Pachocka and J. Misiuna. Warsaw: SGH Publishing House, 2019. P. 119–133.

Polityka migracyjna Polski w odniesieniu do obywateli Republiki Białorusi, Ukrainy i Federacji Rosyjskiej. [S. l.]: Departament Polityki Migracyjnej Ministerstwa Spraw, [s. a.]. 49 s.

Schliephack C. Sicherheitsrelevante Entwicklungen in den tschetschenischen Gemeinschaften in Deutschland. Berlin: Konrad-Adenauer-Stiftung, 2022. 112 S.

Sipos M. "We are all brothers here": The making of a life by Chechen refugees in Poland // Popul Space Place. 2020. Vol. 26, Iss. 2. P. 1–11. DOI: 10.1002/psp.227_Ref1171092336.

Sugaipova M., Wilhelmsen J. The Chechen post-war diaspora in Norway and their visions of legal models // Caucasus survey. 2021. Vol. 9, N 2. P. 140–158. DOI: 10.1080/23761199.2021.1872242.

Szczepanikova A. Becoming more conservative? Contrasting gender practices of two generations of Chechen women in Europe // European Journal of Women's Studies. 2012. Vol. 19, Iss. 4. P. 475–489. DOI: 10.1177/1350506812466611.

Tschetschenische Bevölkerung in Österreich. S. l.: Österreichischer Integrations fonds, Bundesamt für Fremdenwesen und Asyl, [2023]. 14 S. URL: https://www.integrationsfonds.at/fileadmin/content/AT/monitor/Laender_Factsheet_Tschetschenien.pdf (дата обращения: 30.01.2026).

Urząd do Spraw Cudzoziemców // Urzędy centrale. URL: https://www.gov.pl/web/udsc (дата обращения: 01.02.2026).

Wysieńska K. Where is my home? Homelessness and Access to Housing among Asylum-seekers. Refugees and Persons with International Protection in Poland. [S. l.]: UN High Commissioner for Refugees (UNHCR) Regional Representation for Central Europe, 2013. 25 p.

References

Abdulvahabova B.B.-A. Sotsialnoye prisposobleniye chechenok k inokulturnoy srede v stranakh Zapadnoy Evropy [Social adaptation of Chechen women to a foreign cultural environment in Western Europe]. Zhenshchiny i muzhchiny v migratsionnykh protsessakh proshlogo i nastoyashchego. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii [Women and men in migration processes of the past and present. Materials of the international conference]. 2019. P. 485–489. (In Russ.)

Asylbewerberleistungsgesetz. Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/asylblg/ (date of access: 01.02.2026).

Battisti M., Peri G., Romiti A. Dynamic Effects of Co-Ethnic Networks on Immigrants' Economic Success. Munich: Munich Society for the Promotion of Economic Research – CESifo GmbH, 2018. 40 p.

Chto izvestno o chechenskoy diaspore vo Frantsii [What is known about the Chechen diaspora in France]. Slon.fr. 20.06.2020. URL: https://slon.fr/chto-izvestno-o-chechenskoj-diaspore-vo-frantsii/ (date of access: 25.04.2025). (In Russ.)

Chechentsy v Norvegii: mezhdu integratsiey i assimilyatsiey [Chechens in Norway: between integration and assimilation]. Zhurnal Dosh – Novosti Kavkaza [Dosh Magazine – News of the Caucasus]. 13.03.2020. URL: https://web.archive.org/web/20200927160222/https://doshdu.com/chechency-v-norvegii-mezhdu-integraciej-i-assimiljaciej/ (date of access: 02.02.2026). (In Russ.)

Classen G. Das Asylbewerberleistungsgesetz und das Grundrecht auf ein menschenwürdiges Existenzminimum, Stellungnahme zur Anhörung am 07.02.2011 im Ausschuss für Arbeit und Soziales des Deutschen Bundestages. Frankfurt am Main; Berlin: Förderverein PRO ASYL e. V.; Flüchtlingsrat Berlin e. V., 2011. 60 S.

Country: Belgium. Joshua project. URL: https://joshuaproject.net/countries/BE (date of access: 27.02.2026).

El'buzdukaeva T.U. Emigrantskaya povsednevnost' chechenok v stranakh Zapadnoy Evropy: istoriya i sovremennost' [Emigrant everyday life of Chechen women in Western Europe: history and modernity]. Zhenshchiny i muzhchiny v migratsionnykh protsessakh proshlogo i nastoyashchego. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii [Women and men in migration processes of the past and present. Materials of the international conference]. Moscow: Institut etnografii i antropologii imeni N.N. Miklukho-Maklaya RAN; Kaliningrad: Izdatel'stvo Baltiyskogo federal'nogo universiteta imeni I. Kanta, 2019. P. 489–492. P. 489–492. (In Russ.)

Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. Deutscher Bundestag. URL: https://www.bundestag.de/parlament/aufgaben/rechtsgrundlagen/grundgesetz (date of access: 01.02.2026).

Gulina O. Russian nationals looking for refuge in the European Union. Vienn: Prague Process Secretariat International Centre for Migration Policy Development, 2020. 14 p.

Gulina O. Chechentsy iz Rossii: (Ne)vidimye bezhentsy v Evrope: cpetsifika gumanitarnoy migratsii chechentsev iz Rossii v Evropu [Chechens from Russia: (In)visible Refugees in Europe: The specifics of Chechen humanitarian migration from Russia to Europe]. Riddle. 18.04.2018. URL: https://ridl.io/chechency-iz-rossii-nevidimye-bezhency-v/ (date of access: 19.02.2025). (In Russ.)

Iglicka K. Chechen's Lesson. Challenges of Integrating Refugee Children in a Transit Country: A Polish Case Study. Central and Eastern European Migration Review Received. 2017. Vol. 6, N 2. P. 123–140. DOI: 10.17467/ceemr.2017.08.

Khasuev A.E. Migratsiya chechenskoy molodezhi v strany Evropy. Prichiny i posledstviya [Migration of Chechen youth to European countries. Causes and consequences]. Vestnik Chechenskogo universiteta imeni A.A. Kadyrova [Bulletin of Kadyrov Chechen State University]. 2015. N 2 (18). P. 81–83. (In Russ.)

Korobushchenko V.Yu. Osobennosti politiki Danii po integratsii migrantov [Features of Denmark's policy on the integration of migrants]. Skif. Voprosy studencheskoy nauki [Skiff. Issues of Student Science]. 2021. N 10 (62) 3. 114–119. (In Russ.)

Kurbanova L.U. Problemy adaptatsii vtorogo pokoleniya chechenskoy diaspory v Evrope [Problems of adaptation of the second generation of the Chechen diaspora in Europe]. Aktual'nye problemy sovremennoy nauki: vzglyad molodykh uchenykh. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii [Actual problems of modern science: the view of young scientists. Materials of the international conference]. Groznyy: Izdatel'stvo Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2020. P. 315–319. (In Russ.)

Kurbanova L., Nalgieva H., Ismailova L., Umarova Z. Adaptation Strategies Through a New Identity: A Comparative Analysis of Two Generations of Chechen Migrants in Belgium. Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2022. Vol. 646. P. 229–237. DOI: 10.2991/assehr.k.220208.041.

Laskus K. Pomoc społeczna dla uchodźców. Kontrola Państwowa. 2016. Vol. 61, Nr. 2 (367). S. 61–74.

Lechieva M.I., Saidov A.A. Tsennosti i tsennostnye orientatsii chechentsev [Values and value orientations of Chechens]. Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya [Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology]. 2017. Vol. 6, N 4 (21). P. 329–332. (In Russ.)

Menschen tschetschenischer Herkunft in Österreich / M. Hofmann, S. Langanger, M. Heß, A. Rochowanski, A. Holzer, M. Kurbanova, A. Tulej. Wien: Österreichischer Integrations fonds, 2022. 47 S. URL: https://www.integrationsfonds.at/fileadmin/user_upload/OeIF_Persp-1-22_Tschetschenen-WEB.pdf (date of access: 01.02.2026).

Molodikova I.N. Migranty s Severnogo Kavkaza v ES: problemy integratsii i gendernykh roley [Migrants from the North Caucasus in the EU: issues of integration and gender roles]. Nauki o zemle [Earth Sciences]. 2015. N 2. P. 99–119. (In Russ)

Molodikova I. Muslim Refugees from Russia: Do the Chechens Bring Their Own 'aul' from Chechnya to the EU? Muslim Minorities and the Refugee Crisis in Europe. Muslim Minorities and the Refugee Crisis in Europe / ed. by K. Górak-Sosnowska, M. Pachocka and J. Misiuna. Warsaw: SGH Publishing House, 2019. P. 119–133.

Morozova V.N., Zolotarev D.P. Germanskiy opyt integratsii migrantov v prinimayushchee obshchestvo [The German experience of integrating migrants into the host society]. Nauchnyy Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki [Scientific bulletin of the Voronezh state university of architecture and civil engineering. Series: Social and humanitarian sciences]. 2015. Vol. N 2 (6). P. 87–92. (In Russ.)

Pervyy uchreditel'nyy s"ezd Assamblei Chechentsev Evropy – ot Tumi Dishni – Nona Khongashvili [The First Founding Congress of the Assembly of Chechens of Europe – from Tumi Dishni – Nona Khongashvili]. Chechenassembly [Chechenassembly]. 02.03.2021. URL: https://chechenassembly.com/2021/03/02/%d0%bf%d0%b5%d1%80%d0%b2%d1%8b%d0%b9-%d1%83%d1%87%d1%80%d0%b5%d0%b4%d0%b8%d1%82%d0%b5%d0%bb%d1%8c%d0%bd%d1%8b%d0%b9-%d1%81%d1%8a%d0%b5%d0%b7%d0%b4-%d0%b0%d1%81%d1%81%d0%b0%d0%bc%d0%b1%d0%bb%d0%b5/ (date of access: 01.02.2026). (In Russ.)

Polityka migracyjna Polski w odniesieniu do obywateli Republiki Białorusi, Ukrainy i Federacji Rosyjskiej. [S. l.]: Departament Polityki Migracyjnej Ministerstwa Spraw, [s. a.]. 49 s.

Schliephack C. Sicherheitsrelevante Entwicklungen in den tschetschenischen Gemeinschaften in Deutschland. Berlin: Konrad-Adenauer-Stiftung, 2022. 112 S.

Sipos M. "We are all brothers here": The making of a life by Chechen refugees in Poland. Popul Space Place. 2020. Vol. 26, Iss. 2. P. 1–11. DOI: 10.1002/psp.227_Ref1171092336.

Sugaipova M., Wilhelmsen J. The Chechen post-war diaspora in Norway and their visions of legal models. Caucasus survey. 2021. Vol. 9, N 2. P. 140–158. DOI: 10.1080/23761199.2021.1872242.

Szczepanikova A. Becoming more conservative? Contrasting gender practices of two generations of Chechen women in Europe. European Journal of Women's Studies. 2012. Vol. 19, Iss. 4. P. 475–489. DOI: 10.1177/1350506812466611.

Tschetschenische Bevölkerung in Österreich. S. l.: Österreichischer Integrations fonds, Bundesamt für Fremdenwesen und Asyl, [2023]. 14 S. URL: https://www.integrationsfonds.at/fileadmin/content/AT/monitor/Laender_Factsheet_Tschetschenien.pdf (date of access: 30.01.2026).

Urząd do Spraw Cudzoziemców. Urzędy centrale. URL: https://www.gov.pl/web/udsc (date of access: 01.02.2026).

Vorob'eva O.D. Vynuzhdennaya migratsiya v Rossii [Forced migration in Russia]. Sovremennye problemy migratsii v Rossii: materialy obshcherossiyskoy nauchnoy konferentsii [Modern problems of migration in Russia: proceedings of the All-Russian scientific conference]. Moscow: [s. n.], 2003. P. 7–13. (In Russ.)

Vse budut rady, esli oni uedut. Odin den' iz zhizni chechenskikh bezhentsev [Everyone will be happy if they leave. One day in the life of Chechen refugees]. RFI [RFI]. 25.11.2019. URL: https://www.rfi.fr/ru/россия/20191123-все-будут-рады-если-они-уедут-один-день-из-жизни-чеченских-беженцев (date of access: 05.04.2025).

Wysieńska K. Where is my home? Homelessness and Access to Housing among Asylum-seekers. Refugees and Persons with International Protection in Poland. [S. l.]: UN High Commissioner for Refugees (UNHCR) Regional Representation for Central Europe, 2013. 25 p.